

УДК 343.9

DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-295-303

Цифровая социология и цифровая девиантология: генезис, предмет, методы**Комлев Юрий Юрьевич**

Доктор социологических наук,
профессор кафедры философии, политологии, социологии и
психологии Казанского юридического института МВД России,
профессор кафедры уголовного права и процесса
Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

Наш современник – житель цифрового мира: у каждого из нас есть своя «цифровая история». Мы проживаем свою «цифровую жизнь», не представляя себя без смартфона, интернета, всех форм социального действия (покупки, учеба, работа, развлечения) с использованием цифровых технологий, без ежедневного сетевого общения в мессенджерах. Словом, сложилась новая социально-технологическая реальность бытия, актуальность осмысления которой со всеми его «плюсами» и «минусами» в рамках цифровой социологии и цифровой девиантологии совершенно очевидна. Цель и задачи предпринятого исследования состоят в кратком обзоре генезиса формирования цифровой социологии и цифровой девиантологии в последние годы, в выделении их предметного поля и связи этих новых субдисциплин, оценке их эвристического потенциала с раскрытием специфики новых цифровых методов (анализ социальных сетей, вебметрия, онлайн-опрос, онлайн-фокус-группа, сторителлинг, цифровое наблюдение). Цифровая методология в сочетании с традиционными количественными и качественными методами эмпирического изучения положительных и особенно негативных социальных изменений, связанных с ростом кибердевиантности во всех ее проявлениях, дает нам ключ к изучению и совершенствованию системы социального контроля в новых условиях для снижения виктимизации цифровых пользователей.

Использованы статистический метод и контент-анализ научной литературы (публикаций и выступлений на научных форумах).

Значение работы состоит в попытке сформулировать основные этапы формирования субдисциплин цифровая социология и цифровая девиантология в отечественной науке с уточнением их предмета, специфики и описанием цифровых методологических инструментов с практическими примерами.

Ключевые слова: цифровизация, сетевизация, цифровая социология, цифровая девиантология, цифровая криминология, кибердевиантность, киберпреступность, кибервиктимизация, вебметрия, онлайн-фокус-группа, сторителлинг, цифровое наблюдение

Для цитирования: Комлев Ю.Ю. Цифровая социология и цифровая девиантология: генезис, предмет, методы // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 295–303. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-295-303.

В первой четверти XXI в. существенно возросла скорость технологических и социальных перемен. Высокие темпы цифровизации и сетевизации

в постиндустриальном мире, развитие и внедрение цифровых технологий и устройств во все сферы жизнедеятельности людей сделали его цифровым.

В 2025 г. в России доля активных интернет-пользователей составила 89,2 % от всего населения страны.

Цифровизация и сетевизация, подобно «промышленному перевороту», радикально изменили экономику, производственные процессы, характер труда (от электронной коммерции произошел переход к цифровым рынкам (*Amazon, Alibaba, Wildberries, Ozon, Авито* и др.), автоматизации труда и *gig*-экономике (*Uber, Upwork*), развитию онлайн-банкинга, криптовалют и децентрализованных финансов). Цифровые технологии проникли в сферу власти и принятия управленческих решений, в здравоохранение и образование, транспорт и логистику. Они преобразовали способы межличностного взаимодействия и систему социальных отношений, привели к формированию онлайн-сообществ, по некоторым оценкам – «цифрового гражданства». Взаимодействие между людьми, наряду с контактами физической близости лицом к лицу, во многом стало виртуальным без необходимости непосредственного присутствия индивидов. Цифровые аватары как 3D-персонажи, имитирующие реальную жизнь, транслируются их владельцами через социальные сети, что свидетельствует о новом способе конструирования личности в виртуальном взаимодействии. Люди как цифровые пользователи все чаще доверяют при принятии решений не только традиционным источникам (книгам, обыденным знаниям, своему опыту), но и информации, собранной в интернете, прибегают к рекомендациям искусственного интеллекта (ИИ). Все действия и контакты людей в цифровом мире (онлайн-общение, учеба, работа, покупки, развлечения, даже лечение и перемещение людей в пространстве) детально фиксируются и отслеживаются цифровыми сервисами. Все мы во многом стали субъектами цифровых данных.

Цифровизация, как благо, минимизирует издержки, повышает производительность труда и прибыль, снижает роль ошибок, связанных с «человеческим фактором», обеспечивает эффективность прогнозов и управленческих решений, более высокое качество жизни миллионов людей за счет повышения объема, доступности и скорости предоставления разнообразных цифровых услуг. С другой стороны, цифровые технологии, наряду с положительными переменами, приводят к появлению новых социальных вызовов и проблем. В высокотехнологичном цифровом мире неизбежны компрессия рынка труда и занятости, цифровое неравенство в контексте неравного доступа к цифровым технологиям, ресурсам и цифровым компетенциям, цифровая девиантзация социума.

Закономерно, что в последние два десятилетия социально-технологическая проблематика цифрового мира все больше привлекает внимание социологов. Проводятся многочисленные эмпирические интернет-исследования. В итоге в экспертном со-

обществе это направление социологических исследований первоначально обозначается, как «киберсоциология», «социология интернета», «социология сетевых сообществ», «социология социальных медиа», «социология киберкультуры». В результате соперничества дискурсов, судя по контент-анализу публикаций, в настоящее время доминирует более ёмкое терминологическое обозначение новой предметной области как «цифровая социология» («*digital sociology*»).

Понятие «цифровая социология» первым использует американский исследователь Дж. Уинн в журнале *Sociological Forum* (2009), где он обобщил собственный опыт использования цифровых технологий в социологических исследованиях и преподавании. Дж. Уинн обосновал необходимость социологического изучения социальных проблем, обусловленных широким внедрением цифровых технологий [1, p. 448–456].

Р. Нил в 2010 г. расширил предмет цифровой социологии в контексте соединения растущего академического внимания к социальным переменам, обусловленным цифровизацией, внедрением цифровых технологий с усиливающимся интересом к ним со стороны глобального бизнеса [2].

Д. Лаптон в 2012 г. публикует в *Electronic Journal* статью, посвященную введению в цифровую социологию, а через два года выходит ее фундаментальная монография *Digital sociology*, где она определяет эту предметную область как социологическую «субдисциплину». Д. Лаптон включает в предмет цифровой социологии:

- профессиональную цифровую практику – использование в исследованиях и преподавании новых цифровых инструментов для построения сетей, создания онлайн-профилей, публикации и представления научных результатов;
- изучение применения цифровых технологий – анализ того, как использование людьми цифровых технологий формирует их самоощущение и воплощение, а также их роль в воспроизводстве новых социальных отношений и новых социальных структур (институтов);
- сбор и анализ цифровых количественных и качественных данных, генерируемых цифровыми пользователями, в рамках эмпирических исследований;
- критическую цифровую социологию – рефлексивный анализ роли цифровых технологий с точки зрения социокультурных теорий) [3].

В 2012 г. был сформирован исследовательский коллектив цифровых социологов из числа членов Британской социологической ассоциации. Первая научная конференция по цифровой социологии состоялась в Нью-Йорке в 2015 г. В Торонто 15–21 июня 2018 г. прошел XIX Всемирный социологический конгресс, в дискуссиях на площадках которого акцент был во многом сделан на осмыслении

реалий цифрового мира, в том числе негативных последствий и вызовов цифровизации. Его участниками была подчеркнута роль междисциплинарного знания на интегративной социологической платформе (социология, компьютерные науки, правоведение, культурология, психология, IT-технологии) в изучении и понимании цифровых перемен в обществе. В этот период открылись первые специализированные журналы по цифровой социологии: *New Media & Society*; *Information, Communication & Society*; *Big Data & Society* и другие издания.

Н. Маррес в 2017 г. пишет о значении термина «цифровая социология» в контекстах: тематическое направление социологических исследований; исследовательские инструменты и методы, включая в ее предметную область вопросы новых эвристических возможностей социального мониторинга, анализа цифровых возможностей вмешательства в социальную жизнь, выделяет новые формы наблюдения и контроля, а также создание новых знаний о социальной реальности. При этом она справедливо ставит вопрос о репрезентативности цифровых данных [4]. Н. Селвин, анализируя предметное поле цифровой социологии, включает в него социальные сети, большие данные, алгоритмы и цифровые платформы, функционирование которых требует социологического осмысления [5].

С 2009 г. по настоящее время практически по экспоненте происходит рост количества фундаментальных публикаций по теме «цифровые технологии» в предметном поле социологии, о чем свидетельствуют данные *Web of Science Core Collection*. В академическом дискурсе появляются новые статьи и книги в рубрике «цифровая социология» относительно социально-технологического или «цифрового поворота» («*digital turn*»), феноменов «цифровой жизни» («*digital life*») и социологическом осмыслении их с использованием цифровой методологии исследований. Этой проблематике посвящены работы Д. Лаптон, Н. Маррес, Н. Селвина, М. Флайвербома, Я. ван Дейка, Я. Скопека и многих других зарубежных исследователей, критический анализ некоторых из них представлен в публикациях отечественных исследователей [6, с. 6–33; 7, с. 63–80].

В статьях исследовательского хэндбука по цифровой социологии в редакции Я. Скопека обращено внимание на такие тематические ориентации цифровой социологии, как: социальная теория и интернет в повседневной жизни индивидов и групп, изучение цифровых сообществ, анализ онлайн-взаимодействий, цифровое участие и неравенство, цифровые сервисы и сети, позитивные и негативные последствия цифровых технологических изменений.

Содержательный материал по развитию цифровой социологии представлен в китайских источниках. Так, Ю. Чжао и М. Ван, подобно Д. Лаптон, рассматривают цифровую социологию как «соци-

ологическую субдисциплину, которая использует социологические перспективы анализа, традиционные и цифровые методы исследования для изучения развития и применения цифровых технологий, фокусируется на их влиянии на поведение человека и функционирование общества, а также исследует механизмы взаимного конструирования между цифровыми технологиями и социальной средой» [8].

Таким образом, в работах зарубежных социологов предметная сфера субдисциплины цифровая социология постоянно расширяется и включает в свое предметное поле социальное влияние цифровых технологий и их использование в методологии исследований, интернет-занятость, проблематику цифрового неравенства, поисковые запросы и визуализацию объектов, содержание текстов микроблогов и сетевого общения, рекламы, интернет-торговли, потребительское поведение, игры, использование цифровых денег, архивы хранения данных, политическую и гражданскую активность, дистанционное лечение и образование. Особую группу тем составляет кластер, посвященный социальному насилию в интернете, кибердевиантности и киберпреступности, кибертерроризму, кибербезопасности, защите персональных данных, жертвам кибермошенничества и кибербуллинга.

Обзор публикаций в области генезиса цифровых социологических исследований и дискуссий на научных форумах в академической среде относительно предмета новой субдисциплины позволяет резюмировать, что цифровая социология представляет собой активно развивающееся направление в современной социологической науке, целью которого является изучение социологическими «старыми» и «новыми» цифровыми методами социальных структур и процессов, социальных практик, изменений и проблем цифрового общества, продуцированных внедрением цифровых технологий (большие данные, облачные технологии, искусственный интеллект, интернет вещей) и сервисов (цифровые платформы).

Россия – одна из передовых стран в мире по масштабам цифровизации и сетевизации социума. Не только в мировом, но и в российском социологическом сообществе идет процесс формирования цифровой социологии как новой субдисциплины. В нашей стране с 2018 г. издается журнал «Цифровая социология». В одной из первых российских работ по методологии социологического исследования с использованием компьютерных технологий Ю.Н. Толстова определяет несколько новых подходов. Это: большие данные (*Big Data*), интеллектуальный анализ данных (*Data Mining*), цифровые гуманитарные науки (*Digital Humanity*), наука о данных (*Data Science*) [9, с. 3–13]. Ситуация в российской социологической науке достаточно быстро меняется. В работе А.В. Смирнова убедительно по-

казано, по данным частотного анализа, что за период с 2000 по 2021 гг. обновление понятийного аппарата социологии в связи с цифровизацией общества, а также отражение опыта использования цифровых социальных платформ в качестве источника данных и объекта социологического осмысления показали внушительную динамику. Так, если с 2010 по 2012 гг. эти темы упоминались в 2,7 % публикаций, то с 2019 по 2021 гг. проблематика цифровой социологии зазвучала уже в каждой пятой статье в восьми ведущих социологических журналах России [10, с. 39–50]. Тем не менее отечественных работ теоретико-методологического характера по цифровой социологии еще не так много (больше эмпирических исследований), но их количество стремительно растет, судя по ключевым словам в статьях на эту тему в электронной библиотечной системе *eLIBRARY.RU*. Среди авторов публикаций: Ю.Н. Толстова (2015); О.В. Крыштановская (2018); В.Ф. Ницевич (2018); Г.В. Осипов, С.В. Климовицкий (2018); И.Б. Орлова, Е.В. Фомин (2020); Е.В. Щекотин (2020); И.А. Вершинина, А.В. Лядова (2020); Л.Ю. Шураева (2020); А.В. Пацула (2020); Л.А. Василенко (2020, 2021); Л.А. Василенко, Н.Н. Мещерякова (2021); А.В. Смирнов (2021); Д.Е. Добринская (2021); А.А. Ахтырский (2022); Ю.Ю. Комлев (2023); Л.А. Бархатова (2023); А.В. Смирнов (2023); А.Ю. Сергеев, О.В. Широкова (2023); П.И. Ананченкова, И.А. Тюрин, К.К. Макарова (2024); Е.В. Фомин, П.В. Волкова (2025); Е.В. Андрианова, В.А. Давыденко, Д.В. Лазутина и др.

Теорию и методологию цифровых социологических исследований активно обсуждают на научных форумах. Так, в рамках Всероссийского фестиваля науки «НАУКА 0+» ВШССН МГУ имени М.В. Ломоносова совместно с компанией «Крибрум», Оренбургским государственным университетом, Юридическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова и Институтом социально-политических исследований РАН 8 октября 2021 г. при информационной поддержке научного журнала «Цифровая социология» была проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Цифровая социология: современные методы анализа электронных социальных сетей».

12–14 ноября 2025 г. состоялся VII Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: формирование и функционирование общественной памяти», материалы которого в значительной степени были посвящены тематике связанной с празднованием 80-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Тем не менее, на трех секциях «Эмпирические исследования: запрос на методологическую рефлексию и поиск решений» (№ 11), «Человек цифрового общества» (№ 16) и «Девиантное поведение и социокультурные трансформации...» (№ 28) было представлено 36 докладов по вопросам: онлайн-ис-

следований цифровой трансформации общества, цифровой аналитике, изучения человека цифрового общества, сетевых молодежных сообществ, цифрового неравенства, цифровой занятости, геймификации, нейросетей и влияния искусственного интеллекта, освоения цифровых компетенций, кибердевиантности и организации цифрового социального контроля в контексте подготовки кадров киберполиции и по другим смежным темам.

Обобщая содержательную сторону публикаций и докладов российских исследователей по цифровой социологии, можно сказать, что на начальном этапе в трудах просматривается настороженный консерватизм, состояние некоего подобия «методологической травмы» относительно цифровых методологических инноваций и сомнительной репрезентативности выборочных цифровых данных. Заявляет о себе и неопределенность многих понятий и концептов цифровой социологии. Однако скепсис постепенно меняется на более активную позицию исследователей в отношении развития цифровой социологии, ее понятийных конструкций и применения цифровых методов в эмпирических исследованиях социальных проблем цифрового мира. Российскими социологами делаются попытки определить теоретические истоки, рамки и основания цифровой социологии, выстроить теоретические модели цифрового общества, очертить предметное поле новой дисциплины, методологические возможности и принципы, описать специфику цифровых методов эмпирического познания цифровой социальной реальности. Развитию и внедрению концептов и методов цифровой социологии в настоящее время способствуют: новые достижения в IT-сфере и компьютерной (вычислительной) науке, практическое использование алгоритмов машинного обучения (ИИ) в исследованиях, а также других вычислений и обработки больших данных.

В последнее десятилетие в силу активного распространения цифровых технологий и массовой вовлеченности каждого из нас в цифровой мир возникли и распространились крайне негативные социальные последствия цифровизации и сетевизации в форме массовой кибердевиантности. Развивается цифровая девиантзация социума. В цифровом мире девиантность приобрела новые, в том числе социально опасные формы, и в силу отставания в развитии системы социального контроля породила колоссальные риски кибервиктимизации. Среди них: несанкционированный доступ к компьютерной системе, сетевым данным с помощью взломов, онлайн-атак; киберкражи, совершаемые путем мошенничества, фишинга или с помощью вредоносных программ; кибертерроризм; киберсекс-торговля и сексуальная эксплуатация детей в киберпространстве; сетевая зависимость; киберискейперство; киберлудомания; кибербуллинг. Особое беспокойство

в обществе и профессиональной среде вызывает бум кибермошенничества. По отчетам МВД России, представленным в открытых источниках, в 2022 г. совершено каждое четвертое преступление, в 2023 г. – каждое третье преступление с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ). В 2024 г. в целом по стране зарегистрировано 40 % киберпреступлений в форме мошенничества [11]. В течение первых 9 месяцев 2025 г., по ведомственным данным, киберпреступность снизилась на 9 % по сравнению с аналогичным периодом 2024 г., однако появились новые способы хищений и кибермошенничества [12]. Несколько уменьшились и объемы хищений у россиян во многом благодаря принятию государством первого пакета мер в апреле 2025 г., направленных против кибермошенников и на защиту цифровых пользователей.

Особенность кибердевиантности и киберпреступности в 20-е гг. XXI в. состоит в их подвижных, быстро меняющихся и технологически более совершенных формах. Так, еще в начале нулевых годов киберпреступность была направлена против корпоративных операционных систем. Сегодня ее жертвами, наряду с корпорациями, все чаще становятся потребители сотовой связи, банковских и иных цифровых услуг – обычные индивидуальные цифровые пользователи. Современные хакеры, как свидетельствуют эксперты, научились использовать искусственный интеллект и перешли от эпизодического использования ИИ-инструментов (нейросеть *Claude*) к созданию автоматизированных систем для совершения кибератак, сканирования уязвимых мест в системах защиты данных, рассылки вредоносных писем, совершения нелегальных криптовалютных операций.

Реальные вызовы кибервиктимизации объективно стимулируют социологическое изучение различных форм кибердевиантности и поиск адекватных ответов на них в системе формального и неформального социального контроля. Объективный онтологический вред кибердевиантности и сложившиеся методологические предпосылки, обусловленные достижениями цифровой социологии и девиантологии, определяют запрос на формирование на пересечении этих предметных областей цифровой девиантологии и ее наиболее значимой составляющей цифровой криминологии как социологии цифровой преступности.

Девиантология, как любая другая наука, имеет не только свою историю, идущую со времен Э. Дюркгейма, но и находится в постоянном развитии. В недрах мировой социологии она сформировалась благодаря Т. Парсонсу и М. Мертону к середине XX в. как специальная (частная) социологическая теория. Современная девиантология, если лаконично, – это наука, изучающая социальные девиации (девиантность) и реакцию государства и общества на них

(социальный контроль). Российской девиантологии чуть больше полувека. Она институционализировалась и развивается в трудах Я.И. Гилинского и его сподвижников [13].

Опыт формирования теоретической рамки цифровой девиантологии отражен в ранних работах Ш. Браун (2006), М. Яра (2012), К. Хейворда (2012), а также публикации Г. Страттона, А. Пауэлла, Р. Кэмерона (2019), которые опираются на идею гибридации социологических, криминологических и технологических знаний для исследования цифровых проявлений девиантности и преступности, совершенствовании системы социального контроля.

Эти и другие труды наметили основные пути построения цифрового девиантологического знания о природе и детерминации кибердевиантности и киберпреступности в первые десятилетия XXI в., о совершенствовании социального контроля над ними, особенно в цифровой форме (мониторинг, тотальное цифровое слежение).

Активный интерес к эмпирическому изучению феноменологии кибердевиаций и киберпреступлений, цифровому контролю над их проявлениями проявляют отечественные исследователи: Т.М. Судакова, В.А. Номоконов, М.В. Костоломов, В.С. Овчинский, Я.И. Гилинский, Ю.Ю. Комлев, Я.Г. Ищук, Т.В. Пинкевич, Е.С. Смольянинов, А.П. Суходолов, П.И. Ананченкова, И.А. Тюрин, К.К. Макарова, Е.В. Фомин, П.В. Волкова и многие другие.

В последнее время вышло немало содержательных работ, которые можно отнести к предметному полю цифровой девиантологии. Среди них анализу возможностей цифрового профилирования и моделирования цифрового профиля (портрета) неустановленного преступника посредством применения математических методов моделирования и прогнозирования в раскрытии и расследовании серийных преступлений, в том числе киберпреступлений посвящена работа группы криминологов А.П. Суходолова, М.А. Калужина, Б.А. Спасенникова, В.С. Колодина в 2019 г. В 2021 г. в Академии управления МВД России выходит пособие «Цифровая криминология», выполненное Я.Г. Ищук, Т.В. Пинкевич, Е.С. Смольяниновым.

Цифровые девиантологические исследования П.И. Ананченковой, И.А. Тюрина и К.К. Макаровой нацелены на выявление характеристик современного телефонного мошенничества, поскольку число его жертв особенно велико, и чрезвычайно важно обеспечить цифровую социализацию пожилых людей как средство эффективной защиты от попадания пенсионеров в виктимный статус [14, с. 22–32]. Поскольку кибермошенничество стало одной из самых актуальных угроз для обычных цифровых пользователей, то для исследования этого феномена и минимизации кибервиктимизации успешно используется метод онлайн-опроса, результаты которого пред-

ставлены в работе А.Ю. Сергеева и О.В. Широкова [15, с. 59–71]. Е.В. Фоминым и П.В. Волковой. детально проанализирован с помощью цифрового инструмента «Крибрум.Про» контент о наркотизме и наркомании в русскоязычном сегменте социальных медиа. Авторами выявлены типы медиа, основные тематики (новости, реклама, юмор и т.д.) в постах о наркомании, выделены особенности медиаконтента, определена вовлеченность аудитории [16, с. 53–64]. Эти и другие исследования кибердевиантности и киберпреступности развивают отечественную цифровую девиантологию и цифровую криминологию, способствуют внедрению цифровых методов исследования различных проявлений кибердевиантности и цифрового социального контроля.

Таким образом, предметом цифровой девиантологии можно считать кибердевиантность как социальное явление во всех ее проявлениях, генезис и механизмы индивидуальных практик девиантного поведения с использованием цифровых технологий и сервисов, цифровой социальный контроль над проявлениями кибердевиантности, историю и методологию цифровых девиантологических исследований.

Особенно много дискуссий в научных публикациях цифровых социологов, девиантологов и кримиологов посвящено методологическим вопросам. Несмотря на прогресс науки, проблемой для девиантологов традиционной позитивистской ориентации является недостаток знаний и компетенций в использовании новых цифровых методов изучения кибердевиантности и киберпреступности.

В настоящее время, наряду с традиционными количественными и качественными методами эмпирического изучения кибердевиантности и киберпреступности, в ряде девиантологических работ начинает широко применяться цифровая методология с своим понятийным аппаратом и инструментарием. Обзор этих новых методов и конструктивного опыта их использования по материалам контент-анализа будет весьма полезен практикующим девиантологам в изучении кибердевиантности и киберпреступности, а также проблем социального цифрового контроля над их проявлениями. Рассмотрим их в следующем порядке.

1. *Метод анализа социальных сетей.* Он применяется для изучения структуры и динамики сетевых сообществ, публичных дискуссий, дискурсов, сообщений, переписки. Метод основан на использовании теории графов, что позволяет анализировать разнообразные виды социальных связей в киберпространстве. Эти связи фиксируются как гиперссылки, комментарии, упоминания, подписки, рейтинги, лайки, посты и репосты в коммуникациях между разного рода девиантов. Узлами сетевой структуры являются акторы коммуникации. Связи между ними фиксируют ребра графа, которые их соединяют. Например, это могут быть отношения, связанные с ки-

бербуллинг, виртуальными сексуальными связями или криминальными взаимодействиями. Метод позволяет выявлять паттерны взаимодействия субъектов внутри сетевых сообществ: то, как они коммуницируют, участвуя в конструировании киберреальности, и оказывают одностороннее или взаимное влияние.

2. *Вебометрика.* Один из самых распространенных методов сбора и обработки как качественных, так и количественных данных из цифровой среды с целью изучения контента сайтов на основе формализованных матриц. В качестве интернет-контента используется любое информационно значимое наполнение интернет-ресурса (сайта, портала, банка данных, электронной библиотеки). Формат данных может быть представлен в виде текста, таблицы, графика или рисунка, мультимедиа, профиля, поста. Инструментарий вебометрики строится на основе классического, как правило, формализованного контент-анализа с определением единиц анализа, тематических блоков с выделением авторства, миссии, оценки, установки, утверждений. Примером успешного применения вебометрики является исследование содержания постов по вопросу наркомании в российском сегменте социальных медиа, проведенное Е.В. Фоминым и П.В. Волковым с помощью цифрового инструмента «Крибрум.Про» [6, с. 53–64]. Для отбора постов (репостов) был составлен авторский лингвистический список с использованием специальной системы знаков, учитывающий альтернативные названия наркотиков. Исследователи выявили типы медиа, основные тематики (новости, реклама, юмор) контента о наркомании, особенности медиаконтента, определили степень вовлеченности в эту тему аудитории. Авторами работы показана интерактивность и мгновенное распространение контента. При этом нецензурируемость и мнимая анонимность авторов выступают главными факторами, способствующими трансляции материалов противоправного характера. Исследователями установлено, что в мессенджерах доминирует реклама наркошопов и наркокурьеров. В социальных сетях преобладают продукты поп-культуры о наркомании (фильмы, музыка, клипы). Представление о наркомании в социальных медиа характеризуется как амбивалентное.

3. *Онлайн-опрос (интернет-опрос).* Метод реализуется по аналогии с классическим вариантом опроса в рамках методики онлайн-анкетирования либо онлайн-интервью.

Онлайн-анкетирование осуществляется путем рассылки писем с анкетой по электронной почте определенным адресатам. Для его использования необходима информация из базы данных почтовых адресов респондентов. Онлайн-анкетирование можно реализовать и путем рассылки писем по принципу «снежного кома». В этом случае адресат, ответив на

вопросы анкеты, пересылает письмо своим коллегам (знакомым), и те действуют аналогичным образом.

В настоящее время все чаще для распространения анкетных листов используются интернет-форумы, телеконференции в группах новостей, чаты мессенджеров. Весьма практично проводить анкетные онлайн-опросы для сбора экспертных оценок по проблемам противодействия преступности и других девиаций с помощью *Google* форм, если есть адреса респондентов из профессионального сообщества. Полученные первичные данные формализованного опроса в дальнейшем «выгружаются» из *Google* форм в специализированный пакет *SPSS* для статистической обработки и получения вторичных данных. Технологию самозагружающихся веб-опросников поддерживают интернет-ресурсы *Anketog.ru*, *Testograf.ru*.

Онлайн-интервью. Сбор данных в ходе онлайн-беседы осуществляется по структурированному списку вопросов с рассылкой бланка и гайда (инструкции) адресатам по электронной почте. Онлайн-видеоинтервью проводятся в формате конференц-связи или в режиме чата с помощью платформ (*Zoom*, Яндекс Телемост, *WhatsApp*, *Max* и др.). Этот прием позволяет не только собрать ценные данные, но и учесть субъективную реакцию респондентов на вопросы, тему девиантологического исследования, четко сформулировать предложения по совершенствованию социального контроля над изучаемой девиантностью.

Убедительным примером продуктивного изучения кибермошенничества методом онлайн-опроса является работа А.Ю. Сергеева и О.В. Широкова [5, с. 59–71]. Авторами были изучены различные варианты кибермошенничества. Среди них: телефонное мошенничество, СМС-мошенничество, фишинг, снифферинг (перехват сообщений), скимминг (кража данных карты). Исследовали проанализировали феноменологию кибермошенничества в условиях социальных изменений, вызванных пандемией *COVID-19* и другими социальными и технологическими факторами. Были описаны жертвы кибервиктимизации и даны рекомендации по их защите и повышению цифровой грамотности населения.

4. *Онлайн-фокус-группа*. Этот метод представляет собой вариант коллективной беседы на заданную девиантологическую тему под управлением модератора. Онлайн-фокус-группа проводится в рамках видеоконференции с небольшим числом экспертов для одновременного обсуждения той или иной проблемы с видеозаписью для последующего разбора высказываний и предложений всех участников, их транскрибирования. Фокус-группа в формате чата мессенджера предполагает не только одновременную звуковую запись высказываний, но и фиксацию реплик, текстовых комментариев, пояснительных записей участников дискуссии.

5. *Сторителлинг*. Это цифровой вариант биографического метода, который широко применяется для изучения девиантных карьер. Он опирается на детальное изложение в цифровой среде жизненных историй девиантов. Многие люди считают приемлемым для себя рассказывать почти интимные подробности из своей жизни, выставляя их на всеобщее обсуждение. Такая неформальная информация – весьма ценный источник данных о самоидентификации личности в виртуальном мире, поворотных моментах жизненного пути человека. Нарративы девиантов (алкоголиков, наркоманов, проституток, преступников) раскрывают сложные этапы, девиации, ошибки и проблемы, связи и влияние других людей в их жизни через осмысление и субъективную интерпретацию прошлого в ходе повествования.

6. *Цифровое наблюдение*. Метод основан на том, что цифровые технологии в программном обеспечении современных смартфонов, планшетов дают возможность фиксировать и отслеживать цифровые действия и местоположение их владельцев, следы от которых никуда не исчезают. Это то, что позволяет реализовать цифровое наблюдение в социальных сетях и повседневных цифровых практиках пользователей цифровых девайсов. Маркетологи американского ритейлера *Walmart* одними из первых с помощью цифрового наблюдения и нейросетей выявили потребительские установки в результате сбора и обработки данных о своих клиентах, доведя точность прогнозов поведения покупателей до 83 %. Цифровое наблюдение может использоваться для изучения и поиска в системе цифрового социального контроля полицейскими преступников, террористов; социальными службами для обнаружения людей, нуждающихся в экстренной медицинской и другой чрезвычайной помощи; социологическими службами для подсчета и анализа числа и практик поведения мигрантов. Так, во время пандемии через систему «цифровых пропусков» власти Москвы и других мегаполисов отслеживали перемещения горожан. Весьма совершенную интегрированную систему создали начиная с 2014 г. в Китае под названием система социальных кредитов, которая позволяет генерировать «черные списки» девиантов и влиять на них.

Среди недостатков цифрового наблюдения можно выделить этические и правовые проблемы, поскольку тотальное слежение может происходить и за теми людьми, кто изначально не был его объектом, не является девиантом. Применение этого метода в системе социального контроля ведет в итоге к тотальному цифровому надзору, ограничивая конфиденциальность и личные свободы цифровых пользователей, что требует соответствующих законодательных решений в данной сфере. Иначе, в цифровом мире утвердится практика, которую хорошо описывает метафора «паноптикума» М. Фуко

для обеспечения так называемой «дисциплинарной мечты».

Таким образом, эвристический потенциал цифровой социологии и цифровой девиантологии, цифровых количественных и качественных методов исследования позволяет практикующим девиантологам эффективно проводить исследования различных проявлений кибердевиантности и цифрового социального контроля в условиях ставшего реальностью цифрового общества. Выводы и обобщения исследователей будут еще более релевантными, если они сочетают анализ данных вебометрики или бесконтактных формализованных онлайн-опросов с результатами онлайн-интервью, онлайн-фокус-групп или сторителлинга, позволяющих сосредоточиться еще и на субъективных аспектах жизни девиантов. Пришло время социологам и девиантологам активно овладевать новыми социологическими субдисциплинами, цифровой методологией и компетенциями по извлечению разноплановых данных из различных цифровых источников, их обработки и анализа в научных исследованиях.

Литература:

- Wynn J. Digital Sociology: Emergent Technologies in the Field and the Classroom // Sociological Forum. 2009. № 24 (2). P. 448–456.
- Neal R. Expanding Sentience: Introducing Digital Sociology for moving beyond Buzz Metrics in a World of Growing Online Socialization. Lulu Publishing, LLC, 2010. 150 p.
- Lupton D. Digital sociology. N.Y.: Routledge, 2014. 236 p.
- Marres N. Digital Sociology: The Reinvention of Social Research. Cambridge: Polity Press, 2017. 232 p.
- Selwyn N. What is Digital Sociology? Cambridge, UK: Polity Press, 2019. 152 p.
- Андрианова Е.В., Давыденко В.А., Лазутина Д.В. Цифровая экономика и цифровая социология: общее и различное (критический обзор) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2025. Т. 11. № 3 (43). <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2025-11-3-6-33>.
- Андрианова Е.В., Давыденко В.А., Розманов А.И. Современная цифровая социология в поисках моделирования смысла: должное и сущее. Обзор статей исследовательского хэндбука по цифровой социологии в редакции Я. Скопека. Часть I. Цифровая социология // Digital Sociology. 2024. № 7(4). С. 63–80. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2024-7-4-63-80>.
- Чжао Ю., Ван М. Цифровая социология: происхождение, развитие и перспективы с глобальной точки зрения // Журнал китайской социологии. 2023. № 10(19). <https://doi.org/10.1186/s40711-023-00198-1>.
- Толстова Ю.Н. Социология и компьютерные технологии // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 3–13.
- Смирнов А.В. Российская социология в условиях цифровизации общества: результаты анализа корпуса научных текстов // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 39–50.
- Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года // Сайт МВД Российской Федерации. 2025. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/?ysclid=mir6bueknd141960129> (дата обращения: 08.01.2026).
- МВД России сообщило о снижении преступности на 6,3 % в 2025 году. URL: <https://www.ridus.ru/mvd-rossii-soobshilo-o-snizhenii-prestupnosti-na-63-v-2025-godu-741316.html> (дата обращения: 08.01.2026).
- Гилинский Я.И. Криминология и девиантология постмодерна. СПб.: Алетейя, 2024. 242 с.
- Ананченкова П.И., Тюрин И.А., Макарова К.К. Роль цифровой социализации пожилых людей в защите от телефонного мошенничества // Цифровая социология. 2024. Т. 7. № 4. С. 22–32.
- Сергеев А.Ю., Широкова О.В. Мошенничество в цифровом обществе в условиях социальных изменений. Цифровая социология // Digital Sociology. 2023. № 6(1). С. 59–71.
- Фомин Е.В., Волкова П.В. Контент о наркомании в российском сегменте социальных медиа: источники, особенности, вовлеченность пользователей // Цифровая социология. 2025. Т. 8. № 3. С. 53–64.

Digital Sociology and Digital Deviantology: Genesis, Subject and Methods

Komlev Yu. Yu.

**Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
University of Management "TISBI" (Kazan)**

Our contemporary lives are inhabitants of the digital world: each of us has our own "digital history." We live our "digital lives," unable to imagine ourselves without smartphones, the internet, all forms of social activity (shopping, studying, working, entertainment) using digital technologies, and without daily online communication via instant messaging apps. In short, a new socio-technological reality has emerged, the relevance of understanding this reality, with all its pros and cons, within the framework of digital sociology and digital deviantology is absolutely obvious. The aim and objectives of this study are to briefly review the genesis of digital sociology and digital deviantology in recent years, to identify their subject areas and the connections between these new subdisciplines, to assess their heuristic potential, and to uncover the specifics of new digital methods (social media analysis, webometrics, online surveys, online focus groups, storytelling, and digital observation). Digital methodology, combined with traditional quantitative and qualitative methods for empirically studying the positive and, especially, negative social changes associated with the rise of cyberdeviance in all its manifestations, provides the key to understanding and improving social control systems in the new context to reduce the victimization of digital users.

Statistical methods and content analysis of scientific literature (publications and presentations at scientific forums) were used.

The significance of this work lies in its attempt to formulate the main stages in the development of the subdisciplines of digital sociology and digital deviance studies in Russian science, clarifying their subject matter, specifics, and describing digital methodological tools with practical examples.

Keywords: digitalization, networkization, digital sociology, digital deviantology, digital criminology, cyberdeviance, cybercrime, cybervictimization, social network analysis method, webometrics, online survey, online focus group, storytelling, digital surveillance

